

Сильная рослая прима стриптиза с ресницами, похожими на крылья летучей мыши, орудовала на шесте: вышколенно бесстыдная, отдаленная потоками прыгающего света, недоступная в холодной расчетливости своей.

В кружении лучей и грохотании музыки, питии водки и вина к нему придвинулась непомерной грудью дама и протянула визитку, на которой было написано: “заступник министра”. Вале очень понравилось, что на Украине у министра есть заступник: он даже изобразил, как понял, суть ее работы — сделал боксерские движения. Женщина рассмеялась, жеманно поведя могучими плечами. По-русски должность “заступника” звучала не столь романтично: заместитель министра.

Он носил центнеровую, пронзительно взвизгивающую тетку на руках. Будто вырезанные картинки, прыгали в пучках выстреливающего света забавные человечки.

Летучая мышь металась на постаменте в густых лучах и дымовой завесе, вращая фантастическое прекрасное тело.

Не успел присесть, как к нему, крепкому и коротко стриженному, а потому похожему на привычного, щедрого на размах посетителя, подскочили девчушки в стилизованных мини-халатиках санитарок и резким движением оголили груди. Валя доселе полагал, что знает, что делать рядом с обнаженной женской грудью, но тут растерялся. Выпяченные вперед выпуклости

были еще не оформившимися, набрякшими от каких-то неясных невероятных усилий.

— Девчонки, я не знаю, что мне делать? — честно признался он.

И девчонки заметно растерялись.

— Ох, мне плохо! — спас положение сидящий рядом “телевизионщик из Киева”, он опрокинулся на спинку стула и разбросил беспомощно руки.

И две тоненькие, изящные, как весенние листочки, санитарки принялись его “лечить”. Ему сразу полегчало, когда они, “жалючи”, приложили “больную голову” к своим юным грудкам. Просвещенный киевлянин сунул им по денежке куда-то пониже пазух, и девчонки, с визгом, укатали санитарную коляску. Трясли цыгане по Руси перед барами грудью, в народных играх чего только не бывало. Но такой жалостливостью, жуткой ущербностью повеяло от этих взвизгивающих девчушек и грудок их, как бы обретенных, словно низвергнутые маковки колоколен.

Подтягивались еще какие-то важные сановные персоны. Так было с ним всегда в застольях с присутствием ответственных лиц: прозвучали зазданные тосты, рукоплескания, рюмка, другая, и скоро чиновные люди, которые еще недавно держались напыщенно и недоступно, тянулись чокнуться с Понделуевым. Не только потому, что он был представителем центральных СМИ. А кто из них смел кружить замминистра на руках? “Заступница” смягчала его участь, приваливаясь баллонами грудей.

“Это не экстракт жизни”, — томился Валя, оглядываясь вокруг.

По небу, ослепшему от прожекторов, дивным ангелом проплыла какая-то неведомая девочка из вечного его сна: пряди волос в лучах волнами вздымались за ее спиной.

Жаркий, распаренный, он покинул бар. Море было видно отсюда, громадное, переливающаяся. Светила живая луна. Деревья клонили ветви. “Господи, — покаянно, страдая за все человечество, ударил Валя себя ладонями о грудь. — Ты нам подарил такое счастье, ширь небесную и земную, а нам надо залезть в конуру, в пещеру, сбиться в стадо, и думать, что мы высшая цивилизация!”

Женский стон заставил повернуться. На каменном постаменте, метрах в трех от него, в отсветах ресторана молодая пара справляла нехитрую плотскую утеху. Странное моральное осуждение мелькнуло под сердцем. Тогда как глаз, опять же со странной ревностью, отметил поразительную красоту прогнутой девичьей спины. Валентин свернул в сторону: будто бы идет себе мимо и ничего не замечает. Однако видел, как пара распрямилась. Он полагал, что люди сейчас начнут торопливо и стыдливо одеваться. Но девушка просто села на камень и, широко раскинув на редкость красивые ноги, открыто посмотрела на него в ночных всполохах огней.

Город словно набухал в празднике. На площади, заполненной народом, гремел рок, который перемежался комедийными сценками из загробной жизни. Зрители, молодые люди, подростки, отсмеявшись, запрокидывали вверх доньшком бутылки с пивом, делаясь похожими на младенцев с сосками.

Проснулся Валя, как всегда здесь, на море, с ясной и чистой головой.

Утренняя площадь была усыпана битым бутылочным стеклом. А по морю — небесному зеркалу — водными минами плавали вверх доньшком пластмассовые пивные бутылки. Он встречал консервные банки и бутылки в природных наскальных пещерах Алтая. И в чудной африканской стране над песками сказочными зловещими птицами витали целлофановые пакеты. В этой стране все русского человека встречали приветствием “аллях” — брат. И почитаемый народом лидер, окутанный в красные одежды, шесть часов кряду перед бездыханно внимающими людьми мог говорить пламенную речь о справедливости и вере, и семьдесят прекраснейших из женщин, собранных со всего мира, белые, черные, желтые — телохранительницы — располагались вокруг, украшая его присутствие, как тычинки и листья цветка. Женщины, считал вождь, надежнее, смелее и жертвеннее, нежели мужчины: когда бомбы сыпались и взрывались вокруг, женщины закрывали великого имама своими телами. Когда отхлопали ладоши и закончили бой барабаны, Валя, делегированный от народной социалистической партии,

напряжик поинтересовался про цветник, окружавший опустевшую сцену: “Это гарем?” Была ночь, пылали факела, лица людей налились ощущением судьбоносной важности момента. По группе русских посланцев пробежала судорога, все глянули на Валу, а потом также от решительно него отвернулись. “Что вы, это исключительно охранная структура”, — мягко ответил восточный человек. “Мудро”, — согласился Поцелуев.

Подростки на камешках и вдоль пирса с утра накачивались пивком. Тщедушный, “закуренный” паренек семафорил крупным синяком под глазом и красочно, ломаной жестикуляцией, вел рассказ, варьируя буквально три слова: “х-х”-“е-е”-“б-б”! — боевым кличем вылетали из гортани заглавные буквы. Всех он раскидал и раздолбил в каких-то очень крутых разборках.

Занимались физкультурой еще два человека: условно приседал дед, и крепкая пожилая женщина поднимала булги. Валя с досадой подумал о славянах, хорошо помня, как в Дагестане вдоль всего берега утром выстраивалась на тренировку цепочка молодых людей. А ведь еще в его детстве мальчишки и парни около дворов вкапывали столбики, укладывали сверху лом, прибив скобами, и по всему лету крутились на этих турниках. Зимой не слезали с лыж, не говоря уж о том, что было много физической работы по хозяйству: напилить и наколоть дрова, вскопать и обиходить огород. Силушка-то, она до сих пор и играет — на фоне молодых “чинариков” он чувствовал себя геркулесом!

Морская гладь очищалась на глазах: к обеду плавали уже две, три пластмассовые бутылки, а пока он прогуливался по набережной, море и эти всосало в себя. Природа выказывала свою величественную терпеливость и силу, способную в любой момент уравновесить свои отношения с человеком: остается гадать, что будет, когда океан устанет.

Море стало удивительно чистым, будто приготовилось для того, чтобы из блистающих вод вышла девушка с королевской статью и упругой крепостью морячки. Чудо природы! В благородных чертах лица угадывалась страсть, светлые волосы совпадали по тону с белесыми, будто небесные проемы, выгоревшими глазами. Рельефы втянутого живота, талии и бедер относили память к индуистской культуре: на Востоке именно эта область женского тела напоена в искусстве мистического значения.

Красота моря вдруг отступила. Сконфуженно деформировалась, обнаружив свое несовершенство перед красотой, дарованной женщине. Валентин физически почувствовал образовавшийся круги. Один — отодвигал его за свои пределы, как недостойного. Туда, в этот круг, приближающий к женщине, мог войти только редкий удалец, писанный красавец или же несметно богатый мужчина. Другой круг — чертился за его спиной, захватывая женскими чарами вне всяких условий. Сердце выстукивало новый ритм — встреча с девой была главным условием “экстракта жизни”! Красавица растирала волосы полотенцем, склонив голову набок, блистая оголившимися белками глаз. Афродита!

Поцелуев прохаживался, втянув живот, поигрывая добрыми плечами, и пальцы ходили ходуном, словно у пианиста, настраивающегося на исполнение концерта. Это ничего не значило: он просто любовался красотой, отстраненно, отвлеченно. Просто!

— Я никак не могу понять, — обратился к девушке Валентин в глубокой задумчивости, — какого цвета море? Иногда мне кажется, что оно синее? А иногда... что оно цвета морской волны?

Девушка рассмеялась.

— Оказывается, без женщины море молчит, — продолжил мужчина в искреннем удивлении. — Оно шумит, плещется, но говорить начинает, только когда рядом появляется женщина.

Зеркально гладкое море вдруг, кажется, колыхнулось, качнув туловом и крылами.

— И о чем оно говорит?

Валентин опьяненно шел вдоль моря с самой красивой девушкой побережья, ступая широко и уверенно, как боксер-тяжеловес, получивший пояс чемпиона:

— Нет ничего прекраснее моря, — протягивал он ладонь, как локационный прибор, улавливающий голос моря. — Но море не может родить от мужчины. Нет ничего удивительнее неба, но небо не может родить от женщины. Нет ничего величественнее горы, но гора не может родить от мужчины. Господь так устроил, что женщина должна родить от мужчины. Поэтому для мужчины нет ничего прекраснее, удивительнее, величественнее женщины. Равно, как и, наоборот, для женщины в природе нет ничего прекраснее, удивительнее, величественнее мужчины. Потому что только от мужчины она может родить ребенка. И никакие прелести мира не заменят им друг друга, женщина и мужчина могут быть счастливы в космосе, в замкнутом пространстве спутника, ибо и там у них остается все, остается с ними великая перспектива проложить род человеческого!

Хороша была Злата необыкновенно! Феромоны развевались за ней бисером, легко шелестящим серпантинном. Мужики плыли взглядами вслед, будто захваченные волной, кавказцы, те просто столбенели, округлив глаза. Они, конечно, замечали, что ухажер на порядок старше девушки, и как особи возрастом моложе пытались предложить себя. Впрочем, это касалось довольно зрелых мужчин. Юным ровесникам Златы все было, что называется, до фонаря. Этот народ жил собой, сновал на роликах, непомерно накачивался пивом и принимал жизнь, как она есть. Лишь тоненькое существо с громадными замершими глазами, не то мальчик, не то девочка, в темных длинных полотняных трапезных одеждах гуманоидом двигалось за Валентином с розами на длинных ножках и немо предлагало кушать цветы.

Златка, взяв Валентина за руку, горделиво шествовала рядом, словно тоже получила награду. Они катались на американских горках, как бы в опасности друг к другу припадая. В аттракционе, где прикрепленные к стене кресла зловеще вычерчивали круги, Злата сидела в ряду детворы, вся напряженная, с блистающими счастливо глазами. “А-а-а”, — взвизгивала вся команда хором, ухая вниз с верхней точки. “Ребенок, — умилился Валя, — не наигравшийся ребенок”.

В диско-баре, на танцевальной площадке этот “ребенок” стал выделять такое, что теперь глаза округлялись у Валентина. Ее бедра, грудь, живот выписывали переливчатые восьмерки, и волосы спадали пеной морской, и всполохами металиси браслеты на длинных руках. Что стало твориться дальше, Валя никак не мог уразуметь. Сначала с одного столика, дальнего, оставив скучать двух дюжих парней, также, подняв руки, качая бедрами, прошла девица и стала кружить вокруг Валентина, как бы отесняя Злату. Потом она вдруг сорвала с себя платье, и медленно потащила вниз колпаки лифчика. Ну, подумал Валентин, может, перепила? Однако уже с ближнего столика, оставив дородного мужчину, к нему потянулась другая девица, тоже начав обнажаться. Валя продолжал мужественно танцевать в некотором недоумении, полагая, может быть, он сегодня фосфорится, или что-нибудь еще с ним происходит из потустороннего. Но скоро вокруг него вились несколько девиц, и кое-кто из них норовил коснуться обнаженными сосками.

Валя ждал агрессии, но мужчины, не выражая и не предъявляя никаких претензий, потихонечку оттаскивали своих женщин, пытаясь их одеть и вернуть на прежние места. Те, словно привороженные, с фанатичными глазами опять бросались на пяточок возле музыкантов и льнули к Вале.

Объяснилось все просто:

— А ты разве меня не помнишь? — улыбалась Злата. — Ты же был у нас на презентации, я тебя запомнила. Ты так растерялся, когда к тебе наши девчонки из номера подъехали — санитарки.

— В шоу?! Это ты на шесте?! — он приставил ладони к бровям. — Летучая мышь?!

Теперь она не сразу поняла. Догадалась. Также сделала уголком ладони:

— И на шесте, и танцевала.

— Помню. Там такой свет, что я даже не понял, вы в конце разделись или в колготках остались?

— В этом весь и фокус, — она хохотала, тряхнув гривой.

Злата была звездой курортного стриптиза. Ее знали. Она в определенном плане умела завести людей. К ней рвались, как к появившемуся на людях миру. Ей подражали.

— Танцовщицы с тебя умирали, — продолжила Злата с украинским выговором. — Сразу видно: человек никогда не был на стриптизе.

— Если честно, — наклонился он над столиком с шепотом, — я не понимаю тех, кто любит шампанское вприглядку.

— Я тоже! — Златка запрокидывала от смеха голову.

— А как же меня ты запомнила?! Столько людей, ведь это же постоянно?

— Некоторые запоминаются, — польстила она.

В тот вечер Златка была тверда в решении: домой, к маме.

— Я знаю, — говорила она по дороге, — в Москве вы думаете, что если в стриптизе, то проститутка. Но у нас это не так. У нас это нормальная работа: полгорода девчонок летом в ресторанах танцуют.

Дверь квартиры открыла бабушка, и миг обмякшая внучка упала в ее объятия.

— Мама мне сказала, — огорошила его с утра Златка, — “какой тебя красивый мужчина вчера привел!”

Произвести Валоу, который сам себе в зеркале напомнил с утра залежалый блин, в красавцы — было делом невообразимым. Да и гнать бы таких мужчин от дочерей куда подальше! Наконец:

— Так тебя же бабушка встретила?!

— Это мама. Она вообще-то мне бабушка, но я зову ее мамой. Она меня одна вырастила.

— И я ей показался красивым?

— Так одни же бандитские рожи вокруг!

Выехали со двора, покатали по улице, мимо рынка. Злата указала на пожилую женщину, сидящую перед ящиком с разложенными кучками вяленой рыбы: ее бабушка-мама торговала не на рынке, где место стоит денег, а около входа, где и сидят рядом старушки.

— Мне было полгода, когда отец убил маму.

Девушка была полна достоинства: граненые черты — высокий лоб, прямой нос, выпуклый подбородок, который принято называть “волевым”. Губы — резко очерченные, своенравные. Надменные стрелки бровей.

— Приревновал? — Валентин думал, что если мать была похожа на дочь, то можно сойти с ума от ревности.

— Обкурился. Им было по восемнадцать.

В Чуфут-Кале они кружили с запрокинутыми головами в рукотворной пещере. Сколько труда надо подложить, чтобы выскрести у скалы нутро?! Стены до сих пор хранили сантиметр за сантиметром словно бы выгрызенные ложбинки. Чтобы прокормиться, человек тратил усилий с наперсток в сравнении с непомерным трудом на то, чтобы защититься, остаться в живых, спрятаться, укрыться от врага. Или же наоборот, поймав его, засадить в каменный мешок и сделать рабом.

— Мой отец отсидел двенадцать лет, — по дороге вновь заводила рассказ Злата, сидя по правую от него руку, как изваяние. — Когда он вернулся, мне было двенадцать. А ему — всего тридцать. Мне он таким старым показался! Мне было двенадцать, и я начала танцевать в стриптизе.

— В двенадцать?!

— Я выглядела почти так же, как сейчас. Худее только. Я танцами занималась. Танцами и рисованием: костюмы, которые ты видел у нас — по моим эскизам. Меня пригласили выступать: я не понимала, куда я попала, я думала, что стала артисткой.

В Бахчисарае, в покоях дворца хана Гирея они остановились у “Фонтана слез”. Валентин как-то забыл или никогда не знал, что “фонтан” этот — всего лишь капелька, вытекающая из камня, рассыпающаяся по заусенцам... Вечно набухающая и скатывающаяся слеза. Пушкин, двадцати одного года, побывав здесь, в поэме “Бахчисарайский фонтан” описал страсть и коварство восточной женщины, которая не могла примириться с любовью хана

к богобоязненной славянке. Согласно древней легенде все выглядело иначе: уставший тиран полюбил маленькую пленницу отеческой любовью. А девочка, как птичка в клетке, просто утасла от тоски. Хан повелел привезти из Ирана известного мастера, который, выслушав Гирея, сказал: “Если заплакало сердце великого властителя, то заплачет и камень”. Так камень и льет ханские слезы уже много веков...

От татарской обители до православного наскального Успенского собора было рукой подать.

По обе стороны распадка, в отвесных стенах ущелья, словно чижинные норы, зияли глазки монашеских келий. Какое чудо тысячелетия назад помогало белым византийским монахам вырубать в камне эти жилища: не птицы же они, чтобы висеть в воздухе? Страх? Да нет, эти знали только Божий страх, потому и уходили в далекие земли, спасая веру.

К наскальному Храму, сооруженному тогда же, вел долгий каменный подъем.

— Мне было полгода, а мне кажется, что я все помню. Как отец зашел, как мама испугалась. Как он бил ее ножом. А я лежала в коляске. Может, так кажется, потому что взрослые потом об этом много говорили. Хотя никого из них в комнате тогда не было. А были только я и мама.

Как она несла себя: с ума сойти можно! Ни одного лишнего движения, ни радости, ни горя — признак “белой косточки”.

— Отец хотел меня забрать, когда вернулся, — они восходили по каменной дороге. — Или помогать, говорит, буду. Я его не пустила. На порог не пустила. Увидела, что на него похожа. Мне и раньше говорили, что похожа. Но мне не хотелось, хотелось на мать быть похожей. Увидела, что на него, — было мне двенадцать лет, — и как отсекла. Не приходи, говорю, больше.

— А если бы не на него? — удивился Валентин.

— Еще хуже было бы...

Около притвора горбоносый православный монах с густой черной бородой — словно вчера из Византии — объяснял прихожанам-туристам, почему в долине происходят столкновения с татарами мусульманами: выходило, из-за того, из-за чего люди дрались всю жизнь — из-за земли.

— И что, ты отца так больше и не видела?

— Нет.

— И ничего не знаешь про него?

— Почему? Знаю. Женился, ребенок у него. Мальчик. Он недалеко живет, в Старом Крыму.

— Это же по пути. Мы проезжали.

Злата кивнула.

— Звонил недавно мне. Говорит, бабушка умерла — его мама, — приезжай. От нее дом остался, по завещанию, часть принадлежит мне.

Валентин смотрел вопросительно.

— Что я его, резать буду, — чуть пожала она плечом, — там же люди живут?

— Можно взять деньгами.

— Не хочу. Ничего от них не хочу.

Сумрак стоял в Храме, двигались полутени. В туго повязанном белом платке Злата стала похожа на древнюю воительницу или греческую богиню — Фемиду, богиню правосудия.

Арбузы, надрезанные для пробы, дыни виселись вдоль дороги горами, пестрели лотки с яблоками, клубникой, помидорами и прочей зеленью.

“Старый Крым” — оповещал знак у дороги. Поцелуев невольно посмотрел на Златку, как она?

— Вот здесь он живет, — кивнула Злата вглубь пересекающей улицы, — в конце, третий дом от реки.

Валентин резко свернул к обочине.

— Там река?

— Пруд.

— Заедем?

- На пруд? Он грязный.
- К отцу.
- Зачем?
- Ты же все равно о нем думаешь. И думать будешь.
- Тебе это зачем?
- Не могу, когда женщина со мной думает о другом. Пусть это и отец. Она улыбнулась.
- Не из-за наследства. Я бы хотела задать один вопрос. Только один вопрос.

Миновала встречная машина, и руль податливо стал набирать левые круги.

Рослый молодой мужчина заливал фундамент пристройки к дому: он в одиночку размешивал лопатой раствор из цемента и щебенки, и спешно заполнял им емкости опалубки, приращенной к стене.

Обнаженный по пояс, мускулистый, с выгоревшими русыми длинными волосами, налегающими на уши, работник, скорее, был похож на актера, игравшего принцев. Но потому, как человек внешне не придавал значения, не замечал остановившейся напротив его дома машины с тонированными стеклами, из которой не выходят, а явно наблюдают за ним люди, как при этом настроенно собрался и следил боковым зрением, можно было определить в нем бывшего "сидельца".

— Вперед, — повел головой Поцелуев.

Злата набрала грудью воздух, улыбаясь. Теперь она не скрывала волнения.

Мужчина распрявился, лишь в первое мгновение глаза его пробежали по двум приближающимся людям. В следующее — он смотрел только на дочь.

Если фигурой он выглядел молодо — на свои тридцать семь лет, — то лицо было почти старческим: с глубокими морщинами на лбу.

Отец впустил дочь, мельком глянул на Валентина, на машину, на раствор, который в считанные минуты мог "застыть" и превратиться в камень. опередил Злату, шагнул к двери дома, передумал, повел на летнюю терраску в саду.

— Давай раствор зальем, — предложил Валентин. — Потом говорить будем. Мы не спешим особо.

Отец растерянно смотрел на дочь.

— Я подожду.

В две лопаты они заполнили до краев опалубку. Пожали друг другу руки, вспотевшие. Хозяин тоже про Валю многое понял.

— На северах школу проходил? — спросил он.

— Где еще нашего брата лечат.

Хозяин принес закуску. Валя выставил выпивку — без бутылки он обычно в дорогу не отправлялся.

Златка долила себе в стакан до того уровня, который был у отца. Понужнула одним хлопком, по-мужски.

— Как ты? — вопрос отца относился ко всей ее жизни.

— Нормально, — пожала плечом дочь.

— Работаешь где?

— Танцую.

Отец продолжительно кивнул. Помолчали. Хозяин снова посмотрел на машину, на Валентина, хотел что-то спросить, не стал.

— Мне журнал с тобой принесли! — вскочил он.

Руки отца подрагивали: он не знал, как к этому относиться, — на титульной обложке была фотография дочери — со спины, вполборота, с черными полосками стрингов ниже пояса. "Мисс Эротика", — гласила крупная надпись. На развороте журнала также размещалась эта фотография, но уже маленькая, среди десятка других. Текст сообщал, что в течение года проводился конкурс читательских симпатий, и вот победительница определена: ею стала Злата Залевская из Феодосии!

— Мне говорили, — едва глянула Злата. — Письма стали приходить. Сама я не видела.

Валентин снова налил отцу и дочери — ей меньше. Златка опять дополнила стакан.

— Дом от матери остался. Избушка. Продать думаем. Тебе — четвертая часть, — посмотрел отец.

— Ты зачем маму убил? — заострила взгляд дочь.

Они сидели друг против друга, два, словно точеных, профиля. “Шляхтичи”, — подумал Валя.

Отец молчал долго. Медленно опуская голову. Лоб еще круче забуровил-ся морщинами.

— Так мне легче, — тихо поднял он глаза.

— И не жалешь?!

— Так мне легче. — Тверже повторил он.

Женщина, молодая, полная, с тяжелой сумкой в руке, отворяла калитку. Внимательно смотрела в сторону терраски. Мальчик лет пяти, опередив мать, побежал по тропинке.

— Папа, мы машинку купили! — протягивал он игрушку.

Остановился в застенчивости, наткнувшись на взгляд строгой “тети”.

— Иди сюда, познакомься... — Отец осекся, не зная, как назвать, как представить дочь — сестру мальчика.

— Пошли, — будто жена, кивнула девушка Валентину.

Резко поднялась.

— Я понимаю, что я тебе должен! Но я нищий! Я бы тебе весь дом отдал, но там не я решаю, там дети сестры.

— Не надо мне ничего от тебя! От вас ничего не надо! Ему так легче! А ты думал, как мне?! Мне легче?! Я росла, маму твою не видала! Где она была?! Бабушка нашлась! Перед Богом она откупиться захотела! Не надо! Я сама заработаю!

— Заработаешь! — потряс журналом отец.

— Заработаю, — вырвала Злата журнал.

Хлопнула калиткой. Хлопнула дверцей машины. Исчезла за непроницаемыми стеклами.

Валентин пожал руку мужику, мол, ничего, перемелется, мука будет, жизнь.

Журнал с фотографией словно уходящей обнаженной Златы лежал на заднем сидении.

Она долго смотрела вперед. Она положила ему голову на плечо: неожиданно мягко, приютившись, как маленькая обиженная девочка. Он был для нее отцом в эти мгновения. И она — дочерью. Но он — не был отцом. Он — был чужим мужчиной, мужиком, которого хотелось ощущать родным.

Злата потянула его в горы, над морем: машину они оставили внизу. Раскинулся морской простор, яхта, чуть накрываясь, держала курс вдоль берега, полоски пляжей было видно с маленькими человеками.

— Здесь я лишилась девственности, — вела его по своей жизни Злата. — Мне было четырнадцать лет. А ему двадцать два. Он был очень красивый лицом, но невысокий ростом. Выглядел моложе. Он и сказал мне, что ему восемнадцать. А я прибавила, сказала, что мне семнадцать: я так и выглядела, на семнадцать. Он стал звать меня замуж. Тогда я ему сказала, что мне четырнадцать. Он так испугался! Так меня ругал! Мы с ним остались хорошими друзьями.

— Почему ты всегда говоришь о прошлом?

— О чем ты хочешь, чтобы я говорила?

— Говори, о чем хочешь, мне интересно. Просто, когда человек живет прошлым, ему трудно зажить настоящим.

— Я не живу прошлым. Я люблю танцевать. Я танцую. У меня был муж. Ну, не совсем муж: гражданский брак.

— Муж? Когда ж ты успела?

— Я с двенадцати лет танцую в стриптизе. Он был из крымских татар, милиционер. Он поставил условия: брось стриптиз. А я не хочу — мне это нравится.

— Танцевать? Или обнажаться?

Она подумала:

— И то, и то. Это такое чувство. Это совсем не то, что я голая, продаюсь. Ты даже не понял, когда мы сняли с себя все. Муж бил меня ногами. Я сказала ему, что из танцев не уйду. Больше мне ничего не интересно.

Камень лежал вокруг с редкими прогалинами жидкой травы. Девушка смотрела чуть искоса. Он был должен стать первым ее мужчиной. И она должна была стать девственницей, отдавшей ему себя.

Она была очень сильной, она привыкла летать, кружиться вокруг шеста. Она заставила море ходить волнами от края до края. Она вымещала обиду, лечила боль, она хотела быть любимой.

И была холодна. Была почти бесчувственна. Потому что хотела быть с ним, хотела быть с тем, первым, с другим, жаждая быть нужной, но она, будучи и с тем, первым, и с ним, и с другим, еще не была ни с кем. Была ли она в себе? С собой? Или эта прекрасная телесная оболочка жила автономно, отдельно от души, оставшейся там, где ей было двенадцать лет?

В курортном поселке он снял комнату с видом на утес, похожий, как все здесь утверждали, на профиль жившего здесь поэта.

Злата полулежала, приподнявшись на локте. Поцелуев жестко провел рукой, будто из-под нее, как из-под резца мастера, выходила эта рельефная, волнистая линия, начинающаяся с широкого плеча, перекатывающаяся в узкую, словно перехваченную невидимым обручем талию и вновь круто вздымающаяся к бедрам.

— Итальянец, — показывала Злата фотографии, — он письмо прислал на украинском! Я сама украинского не знаю, а он написал. А это предприниматель, из Киева.

— Это же Воровский? — узнал Валя пожилого актера на небрежно брошенном снимке.

— Пишет, что я ему напомнила его первую любовь.

— Молодец, не стареет!

Вдруг ее голос совершенно изменился, наполнившись почтительной серьезностью:

— А это — из тюрем. — Держала она отдельно сложенную пачку.

Тюрьма ли, куда отправили папу и о которой постоянно вспоминали вокруг, жила в ней с детских лет? Или то сердобольное бабье чувство, которое на Руси извечно вело жен за ссыльными мужьями в Сибирь, на каторгу?

От последнего снимка — Злата протянула его, не в силах сама оторваться — дыхнуло холодом, подземным, знакомым, стылым. В черной робе, с номером на груди, с развилкой шрамов на бритой голове, с фотографии смотрел несомненный красавец: пытанный, сильный, суровый.

— Лет десять — срок? — предположил Валентин.

— Четырнадцать. Двенадцать отсидел.

— Двенадцать? — Валя повторил число, которое из уст Златки звучало как магическое.

— Двенадцать.

— Убийство?

— Грабежи и убийства.

— Хороший жених.

— И мне он понравился, — чуть смущенно сказала она.

Валя вздохнул.

— Он пишет, что выйдет и начнет новую жизнь. Будет работать, учиться.

— Вы переписываетесь?

— Да. Я ему ответила.

— А еще кому?

— Больше никому.

— Ясно. — Валя помолчал. — Ну, если он, правда, решил взяться за ум, то ему должны помочь. За это потом придется отрабатывать, но пока где-то его пристроят.

— Нет, он не хочет связываться с бывшими друзьями.

— Так он пишет?

— Да.

— Дай почитать.

Злата вновь взяла сумочку.

— Нет. Прости. Не могу. Он мне пишет. Он мне доверился.

— Ты к нему ездила?

— Собираюсь, — она забрала снимок. — У меня был муж, милиционер, он меня ногами избивал. Я его не боялась. Я смеялась над ним. А этот, только на фотку гляну, жуть берет, — возбужденно проговорила она.

Он рассмеялся:

— Вот ведь что женщине надо!

Он ясно представлял, как девочка в белых колготках поднимала ножку перед зеркалом в танцевальной студии. Какой же удивительной виделась ей жизнь впереди?!

Сердце затомилось, и он набрал SMS-сообщение той, которую тоже часто представлял маленькой, слушающий пение в Храме. Оттого и отдал ее другому, молодому, с возможностью подарить судьбу впереди. Телефон тотчас проиграл музыку ответного послания: "Skusau", — было набрано латинскими буквами.

Женщины — удивительно чувствительны. Злата с пониманием улыбнулась, поднялась, оглянулась, как это умеют женщины, — накинув взглядом невидимый аркан, — пошла на открытую терраску. "Что женщине надо?" — говорило каждое ее движение.

Перед лунной морской дорожкой, тающей в бездне, она виделась плоть от плоти этого мира, первозданной женщиной: если Бог дал человеку Еву, то она должна была быть именно такой. Спадающие волосы, развернутые плечи, прямая, чуть прогнутая спина, гладкие полушария ягодич, все ровно в меру, хищно и складно скроено, напоено силой. "Что женщине надо?" — натягивался незримый аркан. Девушка закурила, склонившись к перилам, окончательно обратившись в зов первобытного бытия. Феромоны упали в комнату продолжением звездного неба.

Мужчина на аркане протискивался сквозь обжигающий ряд и в следующий миг увидел свои, как бы отдельно от него зажившие руки, скользившие по нежным изгибам млечного пути. "Фжи-их", — прокатилась волна прибора.

Перед морскими бликами и скалой, напоминавшей профиль поэта, ей легко было быть с тем, которого она еще не видела, не знала, а только стремилась к нему, сильному мужчине со шрамами на голове, двенадцать лет отбывшему в тюрьме.

Утробно щелкнул ключ, с перестуком открылся засов. Тяжело подалась вперед массивная литая дверь.

Сколько раз, в детстве, Злате мерещилось, как приедет к отцу. Так же, на свидание. Незаметно, в рукаве, пронесет с собой нож, маленький, перочинный. И когда они останутся вдвоем — она видела в кино, как заключенный и гость остаются вдвоем, — вытащит нож и ударит отца прямо в сердце. За маму. За бабушку, которую стала звать мамой.

Злата переступила порог тюремной камеры — комнаты свиданий.

Он стоял, ее избранник, такой, каким рисовала она мужчину, когда училась в художественной школе, в двенадцать лет: нависал скалой, затмевал пространство широкими плечами:

— Не верил, что ты приедешь, — над крутым подбородком проплыла застенчивая улыбка.

— Я обещала.

Он повернулся к охраннику в военной одежде, протянул деньги, много:

— Коньяку, Шампанского, шоколад, закуски разной. И цветы. Цветы найди! — распорядился заключенный, будто перед ним был официант.

— Остаться можешь? — глаза его по обе стороны тонкой, чуть расплущенной, переносицы, смотрели с надеждой. Добрые глаза.

— Здесь? — удивилась она.

— Ну, не совсем. До завтра, дня на два. Есть помещение, для близких родственников.

— Для близких?

— Для жен, матерей.

— А ты где будешь?

Он помолчал.

— С тобой.

— Так можно?

— Договорюсь, — положил он руку на карман.

— Я на день отпросилась. Я ведь танцую.

— Позвоню ребятам, договорятся.

Теперь подумала она:

— Я сама договорюсь.

Вновь щелкали замки. Двигались, как заводные, вооруженные конвоиры. Стучали, уходили в свои оковы, за спинами, по другую сторону запирающихся дверей, тяжелые засовы.

Замкнутое пространство. Решетка на окне. Страх, промелькнувший, острый: а как не выпустят отсюда? — скатился от плеч по локоткам, застыл ледяными каплями в кончиках пальцев. Он положил на ее плечо руку — сильную, стальную, способную раздробить кости в порошок, — мягко, бережно коснулся. И посмотрел — как ребенок, потерявший маму.

Она познала мужчину в четырнадцать лет. С той поры мужчина в ее жизни было немало. Она знала радость, похожую на ту, которую несла со сцены, когда танцевала, обнажаясь, и видела устремленные, воспаляющие глаза.

Она никогда не знала мужчины, танцующего для нее. Таяли льдинки в кончиках пальцев, растворялись, жгли. Растворялись железные полозья, так долго сковавшие ее тело, мешавшие всей ее жизни. Она превращалась в желе, теплое, разливающееся. Становилась ласковым, желанным для истомленного зноем пловца морем.

Старая железная кровать отыграла свою африканскую, со звуками там-тамов, мелодию.

— Выйдешь за меня? — прозвучало в вящей тишине.

— Выйду.

— Мне еще два года.

— Я подожду.

Мужчина вздохнул, сладко, с надеждой. Вздохнула и она: будущее удивительно прояснилось.

За полночь он дождался Злату около “развлекательного центра”. Там, за кубами, меж металлических конструкций, похожих на трибуну стадиона, еще бухала музыка, и диджей орал, срывая горло, и мелькал всполохами неоновый свет. А Златка, быстрая, вся в белом, вынырнула из двери и быстро потащила его прочь.

— Я всегда ухожу, пока девчонки еще заканчивают номер.

Валентин отметил: он видел ее в одиночестве, когда не знал. Когда они были вместе, он не разу не замечал, чтобы она, выросшая в этом городке, поздоровалась с кем-то, подбежала к кому-то, заговорила, как это бывает обычно с местными девчонками, и никто ей не кивнул, не подошел. Злата всегда шла, как в шорах, ни на кого не глядя, не замечая никого.

— А то проходу не дадут? — развил он вслух мысль.

— Не давали, — поправила она.

В белом костюме и белых туфлях ее поджидал — жуткий красавец, венчанный веточкой шрамов на обрастающем волосами темечке. Валя знал эту породу непредсказуемых, импульсивных парней.

Он со скрытой настороженностью пожимал руку — железные тиски.

Свадьбу они сыграли в тюрьме. Жениха в наручниках этапировали в загс, и только на время росписи в документах о заключении брака сняли “браслеты”. Через месяц молодожена освободили условно-досрочно: парень давно показывал себя только с хорошей стороны. Злата взяла в банке кредит, и в ее городе Рома предстал одетый так, как ей представлялось: в белом и строгом классическом костюме.

С двенадцати лет у нее не было подруг. Теперь постоянно встречались бывшие одноклассницы, девчонки, с которыми занималась в танцевальном

коллективе, мальчишки из стриптиза — все закатывали глаза, разводили восхищенно руки: какой мужчина! Она сама таяла, глядя на мужа, рядом с которым можно было никого больше не бояться.

Валентин поздравил молодых. Еще раз пожал руку, и они пошли: не пара, а загляденье!

Злата сама нашла его: Поцелуев распростер объятия, полагая, что ей нужен он.

— Покупатель на дом нашелся, — объясняла она, — отец позвонил, говорит, без моей подписи не продашь. Свою долю получу, можно сразу расплатиться за кредит и долги отдать. Отвезешь нас?

Ехали втроем. Друг Валя вел машину, руки его были заняты, а муж, убийца и грабитель Рома смотрел ему в затылок, зная о прежних отношениях своей жены с мужчиной за рулем.

— Ты в Москве там, — заговорил Рома, — не слышал: “Бои без правил”?

Как почти все уважающие себя бывшие “зека”, Рома не блатовал, хорошо владел “гражданским” языком и даже бравировал чистым хорошим голосом.

— Слышал. По телевизору видел, — ответил Валентин.

— Не знаешь, сколько им платят?

Валя поглядел из-за плеча на парня: боец тот был, может быть, и несокрушимый.

— Не думаю, что много. Смотри с чем сравнивать.

— Не надо нам никакие “бои”, — встряла Злата. — Так можно работу найти.

— Грузчиком?

— А чем грузчиком плохо?

Рома хмыкнул.

— Для начала грузчиком. Потом учиться надо, — проявляла Злата материнскую разумность.

Сидели в очереди к нотариусу, здесь был еще и отец.

— Может, я поеду? — сказал Валентин.

— Остайся, прошу тебя! — Злата редко бывала взволнованной.

Дом продали за двадцать тысяч гривен: Златке причиталось — пять. Конечно, это тоже деньги, но когда говорилось “наследство”, то казалось, что речь идет не о тысяче долларов.

— Сейчас на побережье цены упали, — словно оправдывался отец. — А у нас — половина улицы продается, все в России работают!

— За кредит расплатиться не хватит, — посмотрела Злата на мужа.

Рома тоже посмотрел: внимательно проследил за рукой тестя, спрятавшего остальные три четверти выручки за дом во внутренний карман.

Около машины Валя предложил Роме сесть на переднее сидение, мол, пусть отец с дочерью побудут рядом. Нельзя было вводить парня в искушение, устроив за спиной человека при деньгах.

— У меня здесь жена работает, бухгалтером, мне надо заскочить к ней, — излишне засуетился отец Златы.

Вернулся скоро, сообщил также излишне непринужденно:

— При нашей жизни деньги дома держать... В сейфе, у жены, оставил.

Заехали в магазин, взяли продуктов, водки.

Над фундаментом, который, в прежний приезд дочери, заливал хозяин, выросли стены.

Хозяйка была дома.

— А как ты вперед нас?! — нарочито удивлялся хозяин. — Пока мы в магазине, что ли, были, обогнала?

Он, убийца по любви, жил семейной трудовой жизнью, и теперь не мог сладить со страхом, накопленным за лагерные годы перед убийцами по охоте.

Застолье пошло с размахом:

— Мир, доченька, мир, прости меня, — забирала отца, еще молодого человека, стариковская слеза. — Кто у тебя, кроме бабушки? Только я. Жизнь — штука долгая.

Странно: Валя привык думать, что жизнь — коротка. А здесь, для человека, убившего любимую женщину и треть жизни проведенного в заключении, она долга, будто его тюремный срок не кончался.

Дочь по-мужски протягивала руку. Слезы не роняла.

Хлебный нож лежал посреди стола. Валя видел, как наточенное лезвие притягивает взгляд Ромы. Налил всем по стаканам. Взял нож, нарезав хлеба, убрал оружие подальше с глаз.

Жали крепко друг другу руки и зять с тестем. В прошлом — все хлебнули горького. Вместе — оно легче, если, конечно, все по-людски, по-хорошему.

Рома был немногословен, кивал с пониманием, располагая к себе участием.

Молодым постелили в новой пристройке, а Вале — в смежной комнате.

В ночной тиши хорошо различались звуки шуршания одежды, сбившегося дыхания, взаимного движение тел: стенка была из “оргалита” — одно название, что стенка. У Вали даже под ложечкой засосало — так вдруг стало досадно, что Златка не с ним.

— Валишь надо твоего тятю, — будто треснула сухая ветвь, прозвучал мужской голос.

— Зачем? — чувствовалось, как женщина отстранилась от мужчины.

— Ты же хотела за маму отомстить?

— Хотела.

— Бабки возьмем: они твои.

— Он же в сейфе деньги оставил, у жены?!

Мужчина с глубоким выдохом сладострастно матюгнулся, видимо, притискивая женщину к себе:

— П-с-дш-ешь! Кому он влива-ать взд-у-умал?! Я картежник — я коло-оду сквозь вижу, — вождедение подогревало чутье хищника. — Бабло где-ес-сь!

Сопенье в тишине. Одинокое, долгое.

— Я документы подписывала у нотариуса. Нас тут все видели! — женщина зывала к здравомыслию.

— Ма-аленькая, я все разложи-ил, — хищника распалила скорая добыча. — Картежник всегда все сечет. Москаль твой хлеб резал. Пальцы на но-же его-о!..

— И что?

— Он с России. Его искать не будут.

Она молчала. Продолжительно молчала.

— Он уезжать не собирался.

— Море большое. Он же на море приехал? — Рома нетерпеливо хихикнул, уверенный в своем хитроумном плане. — Тачка наша!

— Машина российская.

— Номера перебыют.

Валентин прислушивался, ожидая, что она начнет отговаривать мужа, защищая его, такого внимательного друга, привезшего их сюда. Молчание сменилось новым слышимым движением, шорохом ткани.

— Давай так, лежа, — раздался сдавленный женский шепот.

— С-стой, как с-стоиш-шь.

— Ну, больно, больно мне так!

— Потерпи.

— Привык на ягодички возбуждаться! Сколько в тюрьме мальчиков перепортил?! — и она страдала этой женской привычкой: в самый неподходящий момент вывести мужчину из себя.

Густой шлепок. Падение тела.

— Еще раз такое скажешь, — говорил вновь Рома иным, сдержанным веским тоном, — убью.

Скрипнула половица. Наступила тишина. Никаких противоречий. Только дыхание.

Валя думал. Он заметил у ворот лопату и теперь решал: сходить, взять и сходу уделать этого Рому. Или разумней спокойно выйти, открыть ворота во дворе, сесть в машину и поминай, как звали.

На воротах, с внутренней стороны, висел замок: хозяин, знать, позаботился о сохранности его машины, запер двор. Валя постоял, кинув руки на штакетины забора, посмотрел на звезды. Вечно его тянет влезть в какую-нибудь муть, и зачем все это ему надо?! Уйти, оставив машину, в баре где-нибудь посидеть до утра, вернуться, и как раз узнать, чем тут все закончится? Или разбудить хозяина: предупредить человека. Заодно ворота откроет?

— Замучил, — рядом закуривала Злата.

Лопата стояла у забора, по левую руку: ухо надо было держать начеку.

— Не выбегит тебя искать? — предупредил он девушку.

— Нет. Удовлетворение получил, теперь до утра будет храпеть.

— Зато секс с ним особенный, — провоцировал Валя. — Вам же нравится, когда страшно? Экстремальный секс!

— На весь век, по-моему, отбил охоту ко всякому сексу.

— Ты же говорила, там, в тюрьме, это было необыкновенно!

— Там было. Там он был человек. А здесь — хуже зверя. Что ему надо: заложить стакан, кого-нибудь избить — в компанию друзей приведешь, обязательно или оборвет кого-нибудь, или избьет. По улице идешь с ним, видит человека, тот по телефону звонит хорошему или деньги достал, все, у него ноздри раздуваться начинают. И не остановишь — бесполезно останавливать.

Валентин это знал: некоторым нужна тюрьма, монастырь, или жизнь под секирой, чтобы они были людьми. Также иным женщинам нужны оковы, висящая на стене камча, грозящая в каждый миг пройти по спине, опасность биения камнями, строгие нравы и суровый моральный суд, — иначе они себе не будут рады. А возведи рамки, устраняющие личный выбор, и человека вернее не найдешь.

Она курила, смотрела во тьму, рассказывала: освобождала душу.

Злата устроила свадьбу в ресторане — ну, не свадьбу, как это бывает у людей, а застолье с друзьями. Посетители ресторана многие ее знали, официанты, музыканты, все помогали, посылали на их стол коньяк и шампанское, получилось, может, и круче, чем у людей. Хватало всего. В какой-то момент молодая жена заметила, как ее Рома ушел в себя, словно опрокинулся внутрь. И оттуда, изнутри, смотрел на веселящихся людей в зале, как зверь из засады. О чем-то стал с жаром шептаться с бывшей одноклассницей, ставшей проституткой. Скоро она вышла, следом исчез он. Вернулись довольно быстро, возбужденные, радостные. Злата сделала вид, что не заметила отсутствия. Рома вдруг предложил перейти на второй этаж, устроенный, как балкон: сверху — веселее смотреть! Расположились на новом месте — молодой муж стал швыряться деньгами — официантки, и без того готовые услужить, крутились вокруг, музыканты теперь играли только для него! Откуда деньги? — недоумевала Злата. “Заначка, тюремные”, — пояснил он. Что же тогда он их раньше скрывал, платила только она? Рома кружил в танце ее и подруг, даже дурачился с “голубыми” из стриптиза — Злата не ревновала. Насиделся, пусть потешится.

Милиционеры, целый наряд, приблизились к столу. С ними — мужчина с разбитой губой. “Этот”, — показал мужчина, вытирая кровь.

В милиции Злата имела хорошие связи. “Что за дурака нашла?! — возмущался знакомый лейтенант. — В ресторане, в котором гулял, взялся грабить! Да ладно бы хоть ушел, а то там же остался!”.

Оказалось, школьная подруга, по совету Ромы, вывела запримеченного им мужчину на улицу, следом выскочил герой, разыграл сцену ревности, то ли для правдивости, то ли из любви к искусству — избил. Ограбил.

Снова требовались деньги, и Злата собрала последние, залезла в долги — выкупила мужа!

— Хоть бы незаметно сделал! — выговаривала ему жена.

— Лады, — пообещал он.

И принес с десяток мобильных телефонов.

— Сдай барыгам, — потребовал.

— Ты же обещал, обещал, что все, со старым покончено.

— Это разве старое? Это так. А куда деться: не берут меня нигде?!

Она устроила его в магазин, грузчиком. Хозяин рассчитал работника к вечеру.

— Извини, — позвонил он Злате. — Не могу. Я рядом с ним как под напряжением ужоу.

Рома стал уговаривать ее заняться “делом”. Схема оставалась известной: она знакомится с состоятельными мужчинами, заводит в условленное место — на природу — а он, муж, появляется. До судимости на него таким образом работали три девушки, начиналось все с проституции и сутенерства, а закончилось грабежами, разбоем и убийствами.

— И опять на двенадцать лет?! Или теперь уже пожизненно? — отрезала Злата. — И я за тобой?! Спасибо!

Долги и деньги за кредит надо было отдавать, она сама напомнила отцу про “наследство”, которое оставила бабушка.

— Уже год покупателей на дом найти не можем! — оправдываясь, говорил отец.

Ворованные телефоны пришлось продать. Появилась новая партия аппаратов. Злата снова их снесла в ларек. И скоро опять она искала деньги на выкуп Романа, поднимала связи с милицией.

Свела мужа с местным криминальным авторитетом — хотя тот давно уже числился в бизнесменах, и на вид производил впечатление самого добропорядочного гражданина: с простоватым курносым лицом, прической горшком, какие носили в прошлом веке.

— Одинокий волк. — дал отповедь уважаемый в городе человек. — На свободе он — не жилец.

Никакого просвета в жизни не было видно: кредиторы грозились “поставить на счетчик”, хоть, в самом деле, иди и грабь вместе с мужем. А там, в казенный дом — прокормят.

Поцелуев слушал. Поражаясь тому, насколько в человеке много животной природы. Кобели в своре собак на помойке крутятся вокруг сучки: один сполз, а другой уже всакакивает! А у философского Достоевского во всех романах мужики до сумасшествия выются вокруг женщины — не на тех дрожжах, что ли? И в нем, вместо должного чувства брезгливости к женщине, в которую только что сбросил семя какой-то тупоголовый бык Рома, начинало все внутри подрагивать, звенеть. И выдыхаемый воздух наполнялся вибрацией: феромоны, батенька, феромоны!

— Он же картежник, что он, картами не может заработать? — был по возможности спокоен Валентин.

— С кем здесь играть? Одна нищета.

— Ну, не знаю. Сколько приезжих? Да и здесь богатеньких-то!..

— К ним его не допустят.

— Ну, да.

Златка вдруг резко подалась к нему, посмотрела с надеждой:

— Вот если бы с тобой, на пару? Вот пошло бы?!

Он ответил изумленным взглядом, усмехнувшись.

Усмехнулась и она, понимая.

Они замерли, глядя друг на друга.

У Валентина была великолепная реакция: в заключении он зарабатывал деньги простой игрой — двое соединяют ладони тыльными сторонами, на верхней руке — лежит монета. Если человек, поставивший руку снизу, успел схватить монету, она его. Успел пальцы сжать тот, кто держит руку сверху — этого! За все время один человек смог с ним тягаться в скорости — это был Коля Шереметьев, “Достоевский”.

Поцелуев не успел даже шелохнуться — обнаружил себя под воротами. От удара горел висок.

Роман мог бы забить его кулаками и ногами. Но “боец без правил” стоял над ним с ножом.

— Бабло, ксиву, ключи от мотора, — теперь он был блатным.

У Вали появилась возможность подняться, он лез в один карман, вставая на колено, рылся в другом, распрямляя ногу. Отдавал, оттягивая время, что требовали. Понимал — выбора нет. Нож, при любом исходе, Рома пустит в ход. Лопата стояла, прислоненная к штакетине. Не успеть!

— Не у меня, мне не надо крови! — отец Златы влетел между ними. Он уже не боялся, был зол. — Ты знаешь, он мой гость, здесь я за него отвечаю.

— И ты знаешь. Я не проститутка, — показывал Рома нож в руке. — Не он — тогда ты.

— Тогда я, — встала перед мужем Злата.

— Отойди, уйди, дура! — завопил Рома. — Завалю же!!!

— Все равно жизни не видала.

Как же спокойна и прекрасна она была!

Валя успел заметить, как дрогнул парень, тряся ножом, как забилося в нем сомнение. Лопата поднималась долго. Описывала полукруг. Уже, казалось, за эти растянувшиеся мгновения можно двадцать раз его достать ножом, ударить. Лопата стала опускаться и... рассекла воздух. Он точно видел, что не попал. Но Рома лежал на земле. Навзничь. Пена, словно выпаренная соль, выступала вокруг рта. Стальное тело сотрясали судороги. Златка склонилась над ним. Держала плечи, раздвигала тесно сжатые челюсти.

— С ним случается, — поясняла она. — Припадки.

“Все пребывают в вымышленном мире, — склонялся помочь и Валя. — Какие ему бои без правил?!”

Рома, отлежавшись, поехал навестить друзей. Златке позвонили на следующий день: опять требовались деньги, иначе условно-досрочному освобождению суженого придет конец: его взяли с поличным прямо в поезде.

Перед ее отъездом к мужу пообедали в ресторане: как ни туго с деньгами, Поцелуев шиканул на прощание — коньяк, осетрина. Но около открытой привокзальной забегаловки Златка тронула его за локоть:

— Мы, когда с танцевальным кружком ездили, всегда здесь чебуреки ели. В пятом классе.

— Тебе было двенадцать?

— Двенадцать. Здесь были такие вкусные чебуреки!

Они стояли за высоким продолговатым столом, склоняясь, чтобы не выливать сок из тонких и пустых лопастей обжигающих чебуреков.

Женщина, лет тридцати семи, необычайно легкая в движениях — скользящих, летящих, — убирала грязную посуду, вытирала столы. И тело было еще тугим, ладным. И крепки груди. И пушистые прозрачные волосы молодого бежали к плечам. Но главное — глаза. Они искрились, лучились все еще юношеским ожиданием. И всем бы она была хороша, если бы... не отечный синяк под глазом.

“Летящая по волнам”, — как мысленно назвал уборщицу Валя, — опрометью скользила меж столов. В каждом ее движении виделись былые времена: она шла, устремляя за собой стайки парней; звенели гитары, лилось вино; ее кружил на крепких руках загорелый красавец; заезжий “друг” с перстнем на руке подливал в хрустальный бокал искристого шампанского в дорогом ресторане, все вращалось вокруг нее, вся жизнь, любовь...

— Вот видите, — вдруг стремительно подошла она к Вале, страдальчески посмотрев в глаза, — чем я вынуждена заниматься?!

Женщина сказала так, будто они были тысячу лет знакомы. И вот — встретились!

Златка медленно, не теряя породистой осанки, подносила к губам длинную кружку с пузырящимся пивом. Окружающее ее не касалось.

— В тюрьме — он человек. Пусть сидит, — решила Злата. — Так мне легче.

Она повторила один в один слова своего отца, убившего жену: “Так мне легче”.

В следующий его приезд по Крыму везде висели российские флаги. Развлекательный центр, в котором прежде работала Злата, перестраивался под иное заведение. На набережной, где встречались люди даже против своей воли, он также Златы не увидел. Зато девчонок, похожих на Злату, стало немало. Вот идет вдаль, с развернутыми плечами, спадающими светлыми волосами, приближаешься — совсем другая.

Море нагоняло волну за волной.